

Совет, признав правильно установленными Квалификационной комиссией факты, не согласился с ее выводом о допущенном адвокатом нарушении и прекратил дисциплинарное производство вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Б. в закрытом заседании 26 ноября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Б., возбужденное по обращению судьи М. городского суда Г. от 1 августа 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 6 ноября 2019 г. Б. допустил нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), которое выразилось в том, что в публикации, размещенной в личном блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»... 26 июля 2019 г., для характеристики обвинения, предъявленного его подзащитному А., он использовал слово «лажа».

В части дисциплинарных обвинений, выразившихся (1) в использовании слова «пигмей» в отношении потерпевшего К. и в утверждении о вымогательстве им денежных средств у обвиняемых, (2) в использовании слов «гады» и «ничтожества» в отношении следователей Аб. и Т., (3) в утверждении о совершении следователями Аб., Т. и участковым оперуполномоченным С. заведомо неправомερных процессуальных действий вынесено заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. В оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской

деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б. в заседании Совета согласился с Заключением Квалификационной комиссии в полном объеме и дополнительно указал, что предъявленное его подзащитному А. обвинение являлось явно надуманным, а производство по уголовному делу выглядело как «беспредел». Поэтому в своем блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» он хотел привлечь внимание общественности к уголовному делу в целом, для чего и использовал достаточно жесткие словесные обороты, среди которых и было слово «лажа». Его идея заключалась в том, чтобы придумать уникальный текст, который бы «зацепил» читателя и помог бы сформулировать общественное мнение вокруг этого уголовного дела. Он осознает, что использованные им словесные обороты являются «хлесткими» и достаточно спорными для публикации. В дальнейшем он намерен придерживаться корректной терминологии.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии в части прекращения дисциплинарного производства ввиду обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства и вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. В части признания адвоката Б. нарушившим п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет, признавая правильно установленными Квалификационной комиссией фактические обстоятельства, не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о наличии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в указанной части.

Квалификационная комиссия правильно установила и описала в Заключении, что в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в личном блоге адвоката Б. ...последним 26 июля 2019 г. был размещен текст, содержание которого приложено к обращению судьи М. городского суда Г. В качестве одного из элементов предмета дисциплинарного производства Квалификационная комиссия изучила и дала оценку следующей части текста: «Поздно, следовательно, поздно, никакой ты ни махинатор, надо было выдирать страницы из дела, а так получилась лажа. Правда, пока эта лажа устраивает городскую прокуратуру, которая дважды утверждает обвинительное заключение» (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета). Совет считает, что прежде, чем давать оценку указанному выше фрагменту текста на соответствие требованиям профессиональной этики адвоката, необходимо исследовать его на предмет наличия допустимого повода для рассмотрения в рамках дисциплинарного производства.

В дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы сформулирована и неукоснительно применяется позиция, согласно которой повод к возбуждению дисциплинарного производства должен отвечать одновременно требованиям к форме и содержанию. Применительно к форме обращения судьи М. городского суда Г. от 1 августа 2019 г. ...Квалификационная комиссия пришла к обоснованному выводу об отсутствии

обстоятельств, препятствующих его рассмотрению в рамках дисциплинарного производства. Применительно же к содержанию обращения Квалификационная комиссия по итогам его рассмотрения справедливо указала на то, что обращение судьи в интересах третьих лиц не может являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства. В связи с этим Комиссия пришла к правильному выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений, которые были сформулированы автором обращения в интересах потерпевшего, следователей и участкового оперуполномоченного, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Между тем фрагмент текста, в котором адвокатом Б. использовано слово «лажа», также содержит характеристику действий стороны обвинения - следователей и прокуроров, а не суда и, в частности, автора обращения, судьи городского суда Г. Так, в первом предложении фрагмента слово «лажа» адвокат Б. использовал, обращаясь к следователю: «Поздно, следователь, поздно, никакой ты ни махинатор, надо было выдирать страницы из дела, а так получилась лажа...» (текст выделен Советом). Во втором предложении указанное слово используется автором текста в качестве характеристики фабулы обвинения, с которым согласился прокурор, для эмоционального выражения своего резко негативного отношения к обвинению как (по его, автора текста, мнению) незаконному и необоснованному: «...Правда, пока эта лажа устраивает городскую прокуратуру, которая дважды утверждает обвинительное заключение» (текст выделен Советом).

В связи с этим, а также с учетом того, что суд согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, Совет признает, что дисциплинарное обвинение в указанной выше части также не затрагивает и не может затрагивать интересы автора обращения, федерального судьи М. городского суда Г. При этом от соответствующего следователя или прокурора в Адвокатскую палату города Москвы в установленном законом порядке каких-либо обращений в указанной части не поступало.

То обстоятельство, что рассматриваемая публикация обращена к неопределенному кругу лиц, в который, как указывает Квалификационная комиссия, может входить и федеральный судья Г., председательствовавший по делу, в котором рассматривалось данное обвинение, не меняет приведенной выше оценки, поскольку не обуславливает право любого прочитавшего ее лица на обращение в органы адвокатского самоуправления в целях защиты интересов иных лиц.

В связи с этим Совет приходит к выводу о том, что и в указанной выше части в ходе разбирательства обнаружилось отсутствие допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. По этой причине Совет, не соглашаясь с выводом Квалификационной комиссии, приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Б. в части дисциплинарного обвинения в том, что в публикации, размещенной в личном блоге в информационно-

телекоммуникационной сети «Интернет»... 26 июля 2019 г., для характеристики обвинения, предъявленного его подзащитному А., он использовал слово «лажа», по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В оставшейся части дисциплинарных обвинений Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии. Так, Квалификационная комиссия обоснованно пришла к выводу о том, что автор обращения не представил доказательств, опровергающих позицию адвоката Б., отрицающего размещение каких-либо материалов на сайте... Поэтому, руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката, бремя опровержения которой возложено на лицо, по обращению которого возбуждено дисциплинарное производство, Совет соглашается с выводом Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Применительно к дисциплинарному обвинению в том, что адвокат Б. «лично компрометирует во вне процессуальном порядке собранные по уголовному делу доказательства, порочит их... приводит субъективную оценку действиям следователей и прокурора, освещая процессуальную деятельность по уголовному делу, в том числе вопрос о разрешении ходатайств стороны защиты, раскрывает доказательства по уголовному делу, в том числе протоколы следственных действий, показания допрошенных лиц, экспертные исследования, фотоматериалы осмотра места происшествия, а также посредством данной публикации, а не в судебном заседании, обращается к присяжным заседателям с призывом вынести оправдательный вердикт и не сообщать суду и участникам процесса о формировании позиции вне состязательного процесса, на основании лишь частного мнения, приведенного в общем доступе в сети «Интернет»», Совет также разделяет вывод Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет отмечает, что право свободно выражать мнение, а также получать, производить, передавать и распространять информацию любым законным способом является одним из основных неотчуждаемых прав человека, гарантированных Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации и общепризнанными принципами и нормами международного права, и в силу этого в полной мере распространяется на адвокатов (п. 1.1 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов 28 сентября 2016 г., Протокол № 7, далее – Правила).

Пункт 1.2 Правил предусматривает, что «принадлежность к адвокатскому сообществу как институту гражданского общества предполагает наличие у членов этого сообщества активной гражданской позиции, выражаемой ими, в том числе, публично как по правовым,

так и по иным социально значимым проблемам. Проявление этой позиции должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов и традиций российской адвокатуры, способствовать укреплению доверия как к конкретным адвокатам, так и к адвокатскому сообществу в целом, росту их авторитета».

«На поведение адвоката в сети “Интернет” распространяются правила осуществления профессиональной деятельности, содержащиеся в законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре, иных нормативных правовых актах, нормах профессиональной этики адвоката, решениях органов адвокатской палаты» (п. 2.1.1 Правил).

Пункт 2.2.2 Правил запрещает адвокатам публично комментировать обстоятельства уголовного дела, в которых они не участвуют, и правовые позиции адвокатов, участвующих в этих делах. «При комментировании адвокатами конкретных дел необходимо, чтобы такие комментарии не нарушали положений действующего законодательства и прав третьих лиц, а также отвечали требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности, установленным действующим законодательством, Кодексом профессиональной этики адвоката и настоящими Правилами» (п. 2.2.3 Правил).

Изложенное выше свидетельствует о том, что Правила не только не запрещают адвокатам комментировать дела, в которых они принимают участие, но и позволяют распространять иные сведения, связанные с оказанием ими юридической помощи при условии, что эти комментарии и сведения не нарушают положений действующего законодательства РФ и отвечают требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности.

Система норм действующего законодательства РФ устанавливает отдельные ограничения в праве адвоката распространять информацию, полученную в ходе осуществления своей профессиональной деятельности. Так, например, ч. 3 ст. 161 УПК РФ предусматривает право следователя предупредить участников уголовного судопроизводства, в том числе защитника, о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ. В свою очередь ст. 310 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования. При этом в ч. 4 и 6 ст. 161 УПК РФ указаны сведения, которые могут быть разглашены без получения разрешения лица, ведущего предварительное расследование по уголовному делу.

Применительно к сведениям, составляющим государственную тайну, система норм УПК РФ (ч. 5 ст. 49, ч. 2 ст. 217, п. 1 ч. 2 ст. 241) и УК РФ (ст. 283, 283.1, 284) также содержит механизм предупреждения и соответствующие материально-правовые гарантии от необоснованного распространения ее адвокатами.

В отношении защиты сведений о частной жизни лица, в особенности несовершеннолетнего, ст. 137 УК РФ и ч. 5 ст. 161 УПК РФ также предусматривают соответствующий механизм и

гарантии от незаконного их распространения, в том числе, адвокатами.

Между тем нормы УПК РФ, регламентирующие производство в суде с участием присяжных заседателей, не содержат каких-либо запретов на распространение адвокатом-защитником (как, впрочем, и государственным обвинителем или представителем потерпевшего) сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» как до, так и во время судебного разбирательства. Положения ч. 8 ст. 335 УПК РФ содержат запрет на исследование отдельных обстоятельств в ходе судебного заседания, а п. 4 ч. 2 ст. 333 УПК РФ, на который ссылается автор обращения, имеет своим адресатом исключительно присяжных заседателей и предусматривает запрет на собирание ими сведений по уголовному делу вне судебного заседания. Совершенно очевидно, что указанная норма не может быть истолкована расширительно и, в частности, распространена на комментирование адвокатом-защитником сведений, полученных в им в связи с участием в уголовном деле.

Ссылка судьи М. городского суда Г. на Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 106-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Никитенко Алексея Николаевича, Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 258 и пунктом 3 части пятой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не может рассматриваться в качестве правового обоснования выдвинутых в отношении адвоката Б. дисциплинарных обвинений. Так, в указанном определении Конституционный Суд РФ констатировал, что положения ст. 47 и 53 УПК РФ «не означают возможность использования любых средств и способов защиты, в том числе сопряженных с нарушением порядка в судебном заседании, неподчинением распоряжениям председательствующего или оказанием незаконного воздействия на коллегии присяжных заседателей с целью влияния на выносимый ими вердикт». Между тем автор обращения не привел каких-либо правовых положений, свидетельствующих о том, что размещение адвокатом-защитником в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений, полученных им в связи с участием в деле, а также выражением им своего мнения по вопросам, имеющим юридическое значение, является способом оказания незаконного воздействия на коллегии присяжных заседателей с целью влияния на их вердикт.

Более того, в указанном определении содержится отсылка к ранее сформулированной правовой позиции Конституционного Суда РФ о том, что ст. 258 УПК РФ «не лишает подсудимого права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, в том числе с помощью приглашенного им адвоката, исключая лишь возможность злоупотребления последним предоставленными ему правами».

Рассматривая дисциплинарное обвинение с учетом изложенной правовой позиции Конституционного Суда РФ, Совет обращает внимание на то, что автор обращения не сослался на законодательное положение, в соответствии с которым адвокату-защитнику запрещено распространять в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

сведения, которые впоследствии могли бы стать предметом исследования в ходе судебного разбирательства судом с участием присяжных заседателей или являются мнением адвоката по вопросам, подлежащим разрешению в судебном заседании.

В целях принятия объективного решения Советом была проанализирована судебная практика по вопросу об оценке судами, рассматривающими уголовные дела с участием присяжных заседателей, фактов распространения участниками судебного разбирательства сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые так или иначе затрагивают вопросы, могущие стать предметом рассмотрения в судебном заседании. По итогам изучения не было обнаружено судебных актов, в которых бы прямо или косвенно признавалось незаконным распространение участниками уголовного судопроизводства подобных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Напротив, в период разбирательства настоящего дисциплинарного производства Верховный Суд РФ указал на то, что председательствующий судья должен был выяснить у присяжных заседателей, знакомились ли они с подобными публикациями, оказывалось ли на присяжных заседателей давление, не утратили ли они объективность в рассмотрении уголовного дела, и если в результате выполнения этих процедур председательствующий судья пришел к выводу об отсутствии признаков необъективности и предвзятости присяжных заседателей, то нарушений, влекущих отмену приговора, не допущено.

Наконец, Совет обращает внимание на то, что представители адвокатского сообщества неоднократно публично поднимали вопрос об использовании органами прокуратуры РФ спорных механизмов доведения до присяжных заседателей сведений, которые запрещается исследовать в присутствии присяжных заседателей в ходе судебного заседания, посредством публикаций в СМИ или телевизионных репортажах, транслирующихся в наиболее популярное для просмотра телезрителями время. Несмотря на это, суды не принимали во внимание соответствующие доводы адвокатов-защитников и не усматривали в фактах подобных публикаций нарушений УПК РФ или иных федеральных законов. Учитывая принцип состязательности сторон уголовного судопроизводства, одним из проявлений которого является равноправие стороны обвинения и защиты перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ), Совет приходит к выводу о том, что подобное поведение позволительно представителям не только стороны обвинения, но и стороны защиты.

Совет полностью соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что публичное выражение адвокатом, в том числе, посредством публикации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», своего мнения в отношении допущенных, по его мнению, органами предварительного следствия, прокуратурой и судом нарушений уголовно-процессуального законодательства, в том числе обоснованное ссылками на материалы уголовного дела, по которому адвокат осуществляет защиту доверителя, представляет собой реализацию принадлежащего адвокату статусного права, а потому нарушением уголовно-процессуального законодательства являться не может. Изложенное в полной мере относится к случаям осуществления адвокатом защиты по уголовным делам, судебное

разбирательство по которым осуществляется с участием присяжных заседателей.

Применительно к оценке формы изложения адвокатом Б. своего мнения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в личном блоге... Совет полностью соглашается с оценкой и выводами Квалификационной комиссии. Так, при оценке использованных в указанной публикации адвоката Б. слов и выражений Квалификационная комиссия правильно основывалась на ранее сформулированных позициях, согласно которым адвокат, давая оценку имеющим место, по его мнению, нарушениям уголовно-процессуального законодательства, допущенным в отношении его подзащитного, имеет право на известную степень эмоциональности, использование афоризмов, гротескных выражений, не выходящих за пределы требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. В частности, используемая адвокатом лексика не может содержать жаргонные слова и выражения, не должна являться пониженной. При этом степень гротескности суждений может находиться в известной связи со степенью нарушений уголовно-процессуального законодательства, которые, по мнению адвоката, допущены в отношении его подзащитного.

Квалификационная комиссия обоснованно не обнаружила пониженной лексики, жаргонных слов и выражений в предложении: «Два с половиной года следственно-судебный спрут Москвы незаконно держит в матросско-бутырских застенках нашего соотечественника, рабочего человека, мужа, отца, подвергает его пыткам и унижениям, равнодушно дерет страницы из его жизни, топчет надежды, уверенно-делово пожирает здоровье, профессионально-бездушно покрывает беззаконие “обоснованностью подозрений в причастности к совершенному преступлению”» (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета), приведя в Заключении убедительную аргументацию своих выводов, с которой Совет соглашается.

Описание обстоятельств допроса подзащитного адвоката Б., обвиняемого (подозреваемого) А., следователем изложено в следующем виде: «Следователь – татарин сразу по матери, я мол, тебя не боюсь. Идиот, думает, Организатор и говорит, я тебе, дураку, ничего не скажу, да и говорить мне особо нечего. Татарин покричал и в каталажку» (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета). Совет соглашается с тем, что процитированная фраза содержит описание допроса, сделанное адвокатом Б. от лица А., который воспринимал следователя как «татарина» и низко оценивал его личные интеллектуальные качества («дурак», «идиот»). Указание на национальную принадлежность лица, использование слов «дурак» и «идиот», характеризующих интеллектуальные качества человека, в отношении которого они употребляются, а также использование жаргонизмов («по матери», «каталажка») в данном случае, учитывая контекст изложения, упречным не является, поскольку эти слова употреблены адвокатом Б. не от собственного имени, а для описания восприятия подзащитным А. личности следователя и способа производства им процессуального действия, при том, что А. считал указанного следователя одним из лиц, незаконно осуществлявших его уголовное преследование.

В оставшейся части публикация адвоката Б. в личном блоге... содержит разбор доказательств обвинения и защиты по уголовному делу в отношении А. и Ак., который Совет в силу ранее приведенной аргументации также не находит нарушающей требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Б. в части проанализированных выше дисциплинарных обвинений не опровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению по основаниям, предусмотренным подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.